

НЕНАСИЛИЕ В ЭПОХУ НАСИЛИЯ? (РЕТРОРЕЦЕНЗИИ)

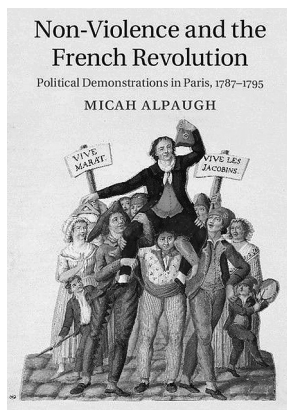
Андрей Митрофанов

Народный протест в революционном Париже сквозь призму ненасилия

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_451

Alpaugh M. *Non-Violence and the French Revolution: Political Demonstrations in Paris, 1787—1795.*

Cambridge: Cambridge University Press, 2015. — VIII, 292 p.

Историки Французской революции традиционно подчеркивали центральное место насилия в революционном народном движении. Американский историк Мика Алпау в книге «Ненасилие и Французская революция: политические демонстрации в Париже 1787—1795 гг.», пожалуй, первым выдвинул гипотезу о преобладании в нем ненасильственной тактики, показав на примерах предреволюционных и революционных лет, что большая часть народных действий, предпринятых в революционном Париже, на самом деле не была проявлением жестокости и не была связана с коллективным насилием. Проследивая истоки политических «демонстраций» (ниже мы еще обсудим этот термин), он показывает, как протестующие обычно пытались избе-

жать насилия, проводя преимущественно мирные шествия, подавая петиции, организуя уличные банкеты и массовые собрания, которые только в редких случаях перерастали в острое противостояние с властью. Этот оригинальный взгляд на политическую историю Французской революции заслуживает особого внимания, поскольку вновь актуализирует многие вопросы, поднимавшиеся на протяжении двухсот лет в исторической науке, и заставляет вернуться к вопросу о том, какую роль сыграли простые парижане в развитии революционного процесса в конце XVIII в.¹

В первой главе исследуются истоки революционных «демонстраций» в последние годы существования Старого порядка и анализируются различные события

1 Работа Алпау перекликается с историографической традицией, включающей имена Ж. Лефевра, Ж. Рюде, А. Собоуля, К. Тоннессона и других, кто, изучая крестьян и санкюлотов, обнаружил автономность народных движений. См.: *Tønnesson K. La défaite des sans-culottes. Mouvement populaire et réaction bourgeoise en l'an III.* Oslo: Presses universitaires; P.: R. Clavreuil, 1959; *Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire 1793—1794.* P.: Seuil, 1968; *Rudé G. La foule dans la Révolution française.* P.: F. Maspero, 1982; *Lefebvre G. La grande peur de 1789. Suivi de Les foules révolutionnaires.* P.: Armand Colin, 2014.

в предреволюционном Париже, когда протестующие горожане прибегали к публичным коллективным акциям, высказывая свои требования или осуждая непопулярных чиновников. Вторая глава посвящена протестным акциям в условиях революционной динамики 1789 г., когда коллективные шествия стали одной из главных в тактике патриотического движения. Как показывает Алпау, хотя большинство таких шествий изначально имело миролюбивый характер, жесткое давление их властями вело к тому, что некоторые из них переросли в то, что во французской традиции именуется *les grandes journées*, то есть взятие Бастилии и октябрьский поход на Версаль: «Ни одно из них не начиналось как открытое восстание. Значительная эскалация насилия произошла только в ходе конфронтации с силами государства, и всем требовалось окончательное примирение с властями для достижения своих целей» (с. 74). Протестующие переходили от ненасильственных методов к насильственным в те моменты, когда «бездействие привело бы к эффективному подавлению их влияния» (с. 21), полагает историк.

Истоки и развитие столичного революционного протестного движения в июне — июле 1791 г. М. Алпау рассматривает в третьей главе. Он начинает с анализа движения, связанного с празднованием Дня федерации в июле 1790 г., а затем показывает, как дух общего единения уступил место политизированным уличным акциям, которые в первой половине 1791 г. становятся основным центром сосредоточения радикализирующихся левых сил. Республиканская кампания после неудачного бегства королевской семьи стала первым революционным протестным движением ненасильственного характера, наиболее важными и заметными формами которого стали петиции и «демонстрации». Каждый из двадцати четырех зарегистрированных протестов в период с 21 июня по 16 июля 1791 г., предшествовавших расстрелу на Марсовом поле 17 июля, оставался физически ненасильственным. Республиканские демонстранты 17 июля также вели себя мирно, до тех пор пока не произошла, по словам автора, двойная провокация со стороны «шпионов» и наступающих национальных гвардейцев.

Четвертую главу Алпау посвятил тому, что он называет «второй республиканской кампанией», то есть периоду между апрелем и августом 1792 г., когда после объявления войны 20 апреля горожане добились постоянного присутствия в Собрании и усилили давление на него при помощи петиций и уличных акций. Несмотря на всю неоднозначность конфронтации 20 июня, парижские активисты продолжали организовывать массовые шествия в ответ на угрозу контрреволюции. Только после того, как сама королевская швейцарская гвардия, оборонявшая дворец Тюильри, открыла огонь по «демонстрантам» 10 августа 1792 г., произошло массовое кровопролитие, и это стало прологом к «сентябрьской резне». В пятой главе автор показывает, как происходило возвращение столичных граждан к тактике ненасильственного протеста после сентябрьских эксцессов коллективного насилия. Он рассматривает, как радикальные лидеры использовали эти акции в первые месяцы после провозглашения республики, подчеркивая, что парижане стремились добиться и укрепить «братские отношения» с законодателями — членами только что избранного Национального конвента. Здесь же анализируется ненасильственная тактика протестующих в ходе «мирного восстания» 31 мая — 2 июня и «сентябрьского натиска» (4—5 сентября) 1793 г. «Благодаря выстраиванию отношений с властями на основе общих революционных интересов и необходимости сотрудничества во время революционных кризисов радикально настроенные протестующие Парижа, возможно, были более всего эффективны в 1793 г., чем в любой другой период Революции. К сентябрю движение санкюотов достигло своих главных целей и установило более эгалитарное правительство», — резюмирует историк (с. 155).

Политика термидорианского Конвента по выходу из террора подтолкнула санкюлотов, по мнению Алпау, к новому этапу использования «демонстраций» и шествий. В шестой главе показано, как парижане пытались именно таким способом вернуть себе политическое влияние на протяжении 1795 г. «Демонстрации/восстания» в жерминале и прериале Алпау также предлагает рассматривать как изначально ненасильственные движения, к чему, как и в 1793 г., стремились сами протестующие, однако все усилия политических элит были направлены на маргинализацию и подавление народного протеста. Убийство толпой депутата Конвента Ж.-Б. Ферро 1 прериала III года республики (20 мая 1795 г.) не было спланировано или одобрено предводителями восстания. «Дни 1—4 прериала III года ознаменовались последними радикальными демонстрациями периода Революции, сосредоточенными на проблемах продовольствия и права на протест. Конвент, не приняв никаких эффективных мер по разрешению продовольственного кризиса со времен жерминаля, едва ли мог надеяться на то, чтобы избежать дальнейших проявлений гнева парижан» (с. 171). В целом после 9 термидора протестующие придерживались ненасильственных форм выражения своих чаяний, но сталкивались с невосприимчивой «аудиторией» — термидорианским Конвентом, а также и с растущим антиреволюционным городским движением. Именно в мае 1795 г. законодательный орган начал действовать против кампании санкюлотов и, кроме того, продемонстрировал полный отказ от признания роли женщин как общественных и политических акторов: «Никогда более беспорядки, связанные с продовольственными вопросами, [начинавшиеся] по инициативе женщин, не будут играть большой роли в парижской революционной борьбе» (с. 177)².

Наконец, в седьмой главе автор обращается к эволюции столичных политических «демонстраций» консервативного толка. Если до 1792 г. радикалы безраздельно доминировали на парижских улицах, то позднее их непримиримые противники и сами стали прибегать к уличным акциям. Так, религиозные шествия, запрещенные в 1793 г., незаконно продолжались. Городская молодежь (мюскадены) проводила свои регулярные «демонстрации» в 1793 и в 1795 гг., выступая против призыва в республиканскую армию и оспаривая у радикалов контроль над улицей. Последнее крупное восстание, произошедшее 11—13 вандемьера IV года республики (3—5 октября 1795 г.), берет начало «в относительно консервативных» западных кварталах столицы³. Пользуясь тактикой всего предшествующего радикального движения, протестующие в вандемьере организуют первое парижское восстание «правого» толка⁴. Но Алпау все же осторожен в оценках: «Протестующие никогда напрямую

2 Здесь речь идет о декрете Национального конвента от 4 прериала III г. (23 мая 1795 г.) (*Décret qui exclut les femmes des assemblées politiques*). О роли женщин в народных движениях периода Революции и законодательных изменениях периода Термидора и Директории см.: *Fayolle C.* La «femme monstre»: la République face à la peur de la confusion des sexes // *La République à l'épreuve des peurs. De la Révolution à nos jours.* Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2016; *Godineau D.* Femmes et violence dans l'espace politique révolutionnaire // *Historical Reflections / Réflexions Historiques.* 2003. Vol. 29. № 3. P. 559—576; *Guilhaumou J., Lapiéd M.* L'action politique des femmes pendant la Révolution française // *Nouvelle encyclopédie politique et historique des femmes.* P.: Les Belles Lettres, 2010. P. 208—246; *Le Bozec C.* Les Femmes et la Révolution: 1770—1830. P.: Passés Composés, 2019. P. 141—180.

3 Но на с. 23 Алпау называет организаторов восстания «предполагаемыми» («мнимыми») роялистами.

4 См. современную оценку восстания в вандемьере и других народных выступлений 1789—1795 гг. в кн.: *Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В.* Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. С. 278—282 и гл. 1—7.

не призывали к восстановлению Бурбонов, вместо этого ограничиваясь умеренными республиканскими требованиями, которые расходились со все возрастающим консерватизмом Конвента. На этот раз протестующие в основном пришли из северозападных кварталов Парижа, которые ранее подверглись активной агитации роялистов и помогали подавить радикальный протест в прерииале» (с. 196). «Политическая демонстрация, как показало это движение, не просто было средством проявления радикального консенсуса, но могло быть использовано любой группой, стремящейся дать почувствовать свое численное превосходство», — заключает автор (с. 203).

Вся эта борьба 1787—1795 гг. позволила впервые на регулярной основе использовать формы ненасильственного протеста для выстраивания отношений сотрудничества между низами и национальными элитами, полагает Алпау. Подведение итогов своего исследования он превращает в самостоятельное эссе следующего содержания. Чтобы добиться успеха, парижским протестующим необходимо было установить прочные «братские» связи как с широкими слоями политической элиты, так и с еще более широкими слоями населения. Вместо движения, основанного главным образом на насилии и возмездии, большинство парижских протестов сосредоточилось на новых практиках ненасилия: разработке альтернатив физическому насилию и попытках найти возможности для сотрудничества. Изучая основные протестные движения революционной столицы, автор попытался поместить насилие и его альтернативы в их политический контекст. Ожидание насильственного подавления мотивировало радикальные революционные силы почти всегда избегать использования насилия снизу. Нестабильность и эскалация, производимые физическим насилием, вынуждали группы протестующих прибегать к нему только в самых отчаянных обстоятельствах. Парижане в основном стремились повлиять на политику, воздействуя на общественное мнение. Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. и восстание 10 августа 1792 г. представляются исключительными случаями, когда физическое насилие помогло протестующим достичь своих целей (хотя в первом случае Алпау признает, что «символическое значение насилия было гораздо важнее его прямых последствий», с. 205). В других случаях применение физического насилия становилось помехой — отвлекало от содержания самих протестов или давало элитам повод для их подавления. Не обходит историк стороной и очевидные сложные моменты своей концепции. Так, он обращает внимание, что, хотя протестующие часто выступали с оружием и не отрицали возможности применения силы, во многих случаях (например, 31 мая 1793 года и 2 прерииала III года) они не прибегли к вооруженным действиям даже тогда, когда их требования не были выполнены. Таким образом, «обычное проявление сдержанности революционно настроенными протестующими подчеркивало их зрелость как политических акторов» (с. 206).

Представляют интерес результаты применения количественных методов. В 8% случаев, утверждает Алпау, «демонстранты» перешли к физическому насилию. Протестующие инициировали насилие в 12 из 248 организованных акций, а власти сделали это еще в шести случаях. В более чем 92% участники уличных действий избегали физического насилия. Вербальное насилие и запугивание, хотя и присутствовали в той или иной форме во многих парижских «демонстрациях», все же имели определенные пределы. За исключением «демонстраций» 31 мая — 2 июня 1793 г. и 1 прерииала III г., протестующие прямо не угрожали органу законодательной власти. Несмотря на конфронтационный характер многих акций, большинство из них были подготовлены таким образом, чтобы законодатели пришли к согласию с толпой и идентифицировали себя с протестующими. В данном случае, полагает Алпау, едва ли не более важными, чем провокация страха, были надежды на справедливость, новый порядок, в котором насилие станет ненужным. По подсчетам

автора, в ходе радикализации в парижских уличных протестах физическое насилие постепенно применялось все реже. Процент физически ненасильственных акций в их общем числе вырос с 75 в предреволюционный период до 86 в 1789 г. и 96 в 1793 г. Коллективные действия парижан во время Революции не просто были результатом мести элитам и следствием многовекового менталитета народа, но и демонстрировали главенство политических мотивов, стимул к демократической интеграции народных масс в городскую и национальную политику.

Вместе с тем Алпау идет вразрез с вековой традицией исследования народных движений во Франции XVIII в., когда заявляет, что большинство протестов было сосредоточено не вокруг вопроса о привилегиях, которые доминировали в протестах Старого порядка, а вокруг политических тем, затрагивавших всю Францию и даже территории за ее пределами.

Свои выводы историк вписывает в очень широкий общемировой контекст. Он полагает, что с распространением усилий по демократизации в XX—XXI вв. методы протеста, разработанные в эпоху «демократических революций» XVIII в., стали глобальным шаблоном для «сопротивления угнетению». Во время Французской революции протестующие преимущественно стремились добиться перемен изнутри системы, переходя к насилию в редких случаях и только после того, как другие средства не давали результата. Исходя из принципа народного суверенитета, городские протестные движения помогли разработать новую модель народной демократии, основанной на широком участии граждан. Выстраивая отношения сотрудничества как с политической элитой, так и с французским населением в целом, протестующие разработали модель демократической свободы действий и формы политической активности, которым до сих пор следуют современные движения.

Почти сразу после ее выхода монография подверглась убедительной критике, хотя были и позитивные отклики. Спустя годы интерес к ней снизился, и в целом на изучение коллективного насилия она не повлияла. И действительно, несмотря на ряд оригинальных черт, присущих этому исследованию, большинство выводов Алпау представляются дискуссионными. Во-первых, сама доказательная база и многочисленные вычисления историка относятся исключительно к Парижу. Во-вторых, дискурсивный анализ не является сильной стороной этого исследования. Для любого специалиста по французской истории XVII—XIX вв. очевидно, что между различными формами народного протеста как при Старом порядке, так и во время Революции имелась существенная разница и исходить в их оценках следует из аутентичных названий. А все эти формы имели вполне конкретные названия не только в юридическом лексиконе, и свести их к двум категориям, как это делает Алпау, практически невозможно, не погрешив против истины⁵. Системное использование самого термина «демонстрация» выглядит как модернизация понятий, что должно иметь под собой чрезвычайно веские основания. Напомним, что историк выделяет две основные категории протеста: собственно политические «демонстрации» и групповые уличные акции. В Приложении, где автор перечисляет все зафиксированные им в источниках акции протеста, мы находим столь разнородные явления, как *atroupelements* (сборища, скопления людей, толпы), *celebrations* (празднования, чествования), *processions* (шествия, процессии), *marches* (движения, коллективные действия), *insurrections* (восстания, мятежи), *pillages* (грабежи), *grèves* (забастовки, стачки), *fermentations* (беспорядки, волнения), *banquets* (банкеты, пиршества), *journées* (букв. дни, *перен.* дни больших событий), *rassemblements* (скопле-

5 Автор и сам замечает, что революционеры «использовали множество альтернативных терминов», а вовсе не «political demonstration» (*manifestation politique*), но при этом не дает их полного списка (с. 18).

ния людей, сходки) и т.д. Причем в большинстве случаев Алпау не указывает в этом длинном списке точных наименований событий, как они отражены в источниках, а сразу дает их краткую интерпретацию. Так он переводит все массовые акции в ряд политических, хотя зачастую французы в революционную эпоху восставали против роста цен, финансовых нововведений, бумажных денег, угрозы голода, то есть их требования носили не политический, а социальный характер. Здесь же отметим, что только под словом *attroupement* в годы Революции фигурируют самые различные события — от скоплений недовольных рабочих до выступлений прихожан против местных кюре и монахов. Автор же вносит каждый такой факт в свои таблицы и ведет общий подсчет разнородных явлений. Увлечение количественными методами исследования работает против концепции, не лишенной, как мы уже отмечали, оригинальности. Наконец, историк прибегает к спорной терминологии: «мюскаденское движение», «радикальный консенсус», «консерваторы», «официально признанные государственные организации» (о парижских секциях) и т.д.⁶

Если поместить исследование Алпау в историографический контекст 2000—2010-х гг., то мы увидим, что он оказывается в одиночестве. Наиболее важные научные исследования посвящены различным регионам Франции, и их авторы, среди которых Ж.-К. Мартэн, Д. Сазерленд, В. Соттоказа, Г. Браун⁷ и многие другие, убедительно и на обширном материале архивов показывали, как волны коллективного насилия и политического бандитизма охватывали всю страну. При этом уже довольно давно хронологические рамки исследования такого феномена, как коллективное насилие, радикально изменились, поскольку (и развитие народных революционных и антиреволюционных движений это подтверждает) определенный социальный консенсус и общественный порядок французские власти смогли обеспечить только в годы Консульства Наполеона Бонапарта⁸.

Отсчет истории ненасильственного политического движения городских масс в Париже с 1787 г. вызывает сомнения. Ведь, двигаясь таким путем, любой автор может отодвинуть рамку исследования о Революции вплоть до начала 1770-х гг. и так называемой мучной войны, а то и до более ранних проявлений народного протеста. Ограничение же исследовательского пространства Парижем, напротив, сужает хронологию и позволяет остановиться на 1795 г., хотя ненасильственные и насильственные массовые акции не прекращались в департаментах Франции и позднее, и изучение механизмов коллективных протестов в этот период показывает, что страна существовала сразу в нескольких социально-политических изменениях: тенденции затрагивали регионы неравномерно, как с опережением, так и с заметным отставанием от столицы. Здесь уместно вспомнить об «авиньонской

6 В частности, мюскадены в Париже и других городах не были единым движением, не имели общей политической организации. Антиреволюционный протест молодежи в 1793—1795 гг. был проявлением крайне правого и оппозиционного Конвенту и Директории течения. См.: *Gendron F. La Jeunesse dorée: épisodes de la Révolution française*. Sillery: Presses de l'Université du Québec, 1979.

7 См.: *Sutherland D.M.G. France 1789—1815: Revolution and Counterrevolution*. L.: Fontana Press, 1985; *Brown H.G. Ending the French Revolution: Violence, Justice, and Repression from the Terror to Napoleon*. Charlottesville; L.: University Press of Virginia, 2006; *Martin J.-C. Violence et Révolution. Essai sur la naissance d'un mythe national*. P.: Seuil, 2006; *Sutherland D.M.G. Murder in Aubagne: Lynching, Law, Justice During the French Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009; *Sottocasa V. Les Brigands et la Révolution. Violences Politiques et Criminalité dans le Midi (1789—1802)*. Ceyzérieu: Champ Vallon, 2016.

8 *Sottocasa V. Op. cit.*; *Belissa M, Bosc Y. Le Consulat de Bonaparte. La fabrique de l'État et la société propriétaire 1799—1804*. P.: La fabrique, 2021; *Lentz T. Le grand Consulat. 1799—1804*. P.: Fayard, 1999.

резне» в октябре 1791 г.⁹, о специфическом терроре в Оранже¹⁰, бунтах в Ниме и Монтобане¹¹, странных «афтершоках» дехристианизации в Савойе 1794 г.¹² и т.д. А среди крупных региональных центров были Бордо и Лион, Марсель и Тулон. Количественные методы и современные цифровые технологии могли бы также помочь в работе с региональным материалом, но это, вполне вероятно, существенно бы изменило всю статистику.

Наконец, как быть с примерами символического насилия, которое вовсе не было связано с пролитием крови? Этот аспект истории революционной Франции заслуживает особого внимания. На протяжении большей части революционного десятилетия 1789—1799 гг. по всей стране происходили разнообразные акции самой разной политической окраски, чаще всего с одобрения или при попустительстве местной власти, в ходе которых представители различных социальных групп и слоев совершали ставшие почти ритуальными действия: повсеместное высаживание «деревьев свободы», принудительное изменение вестиментарного кода (красные фригийские колпаки и трехцветные кокарды, например, стали непременным атрибутом «добропорядочного гражданина», о чем даже был принят особый закон), массовое уничтожение эмблем, гербов и различных знаков «феодализма», что подразумевало и уничтожение немалого количества культурных ценностей, расхищение, а порой уничтожение церковных предметов и зданий, сожжение и уничтожение изображений или чучел политических противников и «коронованных тиранов». К этому следует добавить коллективное пение в общественных пространствах, действия публики в театрах, нападения на дипломатические миссии, настоящие осады органов власти и резиденций, — все то, что местные администраторы уже никак не могли контролировать.

Непростым для интерпретации остается и вопрос о дехристианизаторской политике в период Революции. Стихийные антицерковные шествия, осмеяние сакрального стали непременными признаками многих революционных публичных акций, а затем нашли отражение в драматургии. В конечном счете все это стало неотъемлемой частью политики революционной аккультурации¹³. В провинции действия городских низов направлялись не только популярными среди населения местными лидерами, но и комиссарами Национального конвента, такими как Ж. Фуше и А.-Л. Альбитт. Разумеется, в Париже такого размаха дехристианизация не достигла, но, как показал М. Вовель, в масштабах всей страны импульсы, исходившие из столицы и усиленные упорным энтузиазмом облеченных чрезвычайными полномочиями «представителей народа», приобретали гипертрофированный вид¹⁴.

-
- 9 *Moulinas R.* Le Massacre de la Glacière: enquête sur un crime impuni. Aix-en-Provence: Édisud, 2003.
- 10 *Lapied M.* Les comités de surveillance et la Terreur dans le Vaucluse et les Bouches du Rhône // *Justice et politique: la Terreur dans la Révolution française.* Toulouse: Presses de l'Université Toulouse Capitole, 1997.
- 11 *Sottocasa V.* Mémoires affrontées, Protestants et catholiques face à la Révolution dans les montagnes du Languedoc. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2004.
- 12 *Nicolas J.* La Révolution française dans les Alpes (Dauphiné et Savoie, 1789—1799). Toulouse: Privat, 1989.
- 13 *Бурден Ф.* Революционная аккультурация: борьба за новую социальность // Французский ежегодник. 2001. М., 2001. С. 201—215.
- 14 *Vovelle M.* 1793. La Révolution contre l'Église. De la raison à l'Être suprême. Bruxelles: Complexe, 1988. Точечно политика дехристианизации продолжалась (хотя и в меньших масштабах) и в 1794, и в 1795, и в 1797 гг. И даже насаждение «теофилантропии» под руководством члена Директории Л.-М. Ларевельера-Лепо вполне вписывается в эту схему.

Все это получило широкое распространение и освещение в прессе, тысячах памфлетов и сатирических эстампов, расходившихся по стране и за ее пределами с поразительной быстротой. Потенциальная угроза, содержащаяся в подобных акциях, сама по себе была чрезвычайной, французское общество существовало в атмосфере перманентного насилия. Совершая сотни таких действий ежегодно, французские граждане, даже не проливая крови, создавали атмосферу нетерпимости как «слева», так и «справа».

Впрочем, авторское видение революционного процесса не предполагает однозначного оправдания народных движений. Количественные методы без анализа экономической компоненты ведут к политизации неполитических и аполитичных собраний, шествий, петиций. Так автор попадает в ловушку, устроенную еще политическими лидерами Национального конвента, поскольку сами революционные власти (группировки жирондистов, монтаньяров, термидорианцев) старались политизировать социальные конфликты и экономические требования протестующих, видоизменяя и сам политический дискурс.

Анализ протестных акций в революционном Париже, предпринятый Алпау, подводит читателя к ключевому вопросу о самой сути революционного активизма, то есть всего того, что в фундаментальной работе итальянского историка Х. Бурстина удачно именовалось «революционным протагонизмом»¹⁵. Удачным выходом для автора мог бы стать коллективный портрет такого активиста, но американского исследователя интересует тактика коллективных действий, что не позволяет ему рассмотреть роль отдельных активистов/протагонистов революционных дней. Нет в монографии и анализа социального состава протестующих: сама методология и широта охвата источников делает такой анализ практически невыполнимым для одного исследователя.

Тезис автора о том, что давление на власть снизу в революционном Париже в большинстве случаев не было связано с насилием, не противоречит в целом выводам ряда известных историков. Но при этом нужно все же с большой осторожностью прибегать к количественным методам исследования, избегать модернизации понятий и терминов того времени, более отчетливо определять роль лидеров этих движений. При анализе источников следует разделять народное насилие (например, дело Ревельона), четко спланированную угрозу насилием (31 мая 1793 г.), ненасильственные акции, за которыми насилие уже угадывается (сентябрьский натиск), ситуации, когда организаторы не справились с толпой (1 прериаля), и точечное насилие как обещание насилия массового (5—6 октября 1789 г.). Впрочем, при таком подходе это было бы уже совершенно иное исследование. И все же монография Алпау заставляет серьезно задуматься о том, каково было на самом деле место ненасилия в истории одной из самых кровавых революций Нового времени.

15 См.: *Burstin H. Révolutionnaires. Pour une anthropologie politique de la Révolution française.* P.: Vendémiaire, 2013.